

Научная статья
УДК 343.82+343.24

**КОММУНИКАТИВНАЯ ТЕОРИЯ НАКАЗАНИЯ: СОДЕРЖАНИЕ, ПРЕДЕЛЫ ПРИМЕНЕНИЯ,
ЗНАЧИМОСТЬ ДЛЯ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ**

Павел Владимирович Тепляшин

*Сибирский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, Красноярск, Россия,
pavlushat@mail.ru*

Ключевые слова: гуманизация, индивидуальная программа обращения с осужденным, исправительная колония, консеквенциализм, примирение, раскаяние, уголовно-исполнительное право, экспрессионистская концепция

Аннотация. В статье представлена методологическая обусловленность изучения теорий наказания. Рассмотрено содержание коммуникативной теории наказания в представлениях ее основоположника. Показана функциональная роль коммуникативных механизмов диалога между осужденным и специалистами исправительного учреждения, а также инклюзивные качества наказания согласно данной теории. Отмечается, что коммуникативная концепция своими догматическими корнями уходит в ретрибутивизм, но при этом достаточно рельефно накладывается на процесс исполнения уголовного наказания. Изложены особенности теории коммуникативного ретрибутивизма. Приведены аргументы в пользу того, что она не применима в части описания организации исправительного процесса и режима исправительного учреждения, исполнения сверхдлительных и пожизненных сроков лишения свободы, но согласуется с концепцией «моральной пустыни». Обозначены вероятные направления практического приземления коммуникативного ретрибутивизма. Автор предостерегает, что при воплощении в жизнь положений коммуникативной теории наказания следует учитывать недопустимость вероятного крена в сторону либерализации правового воздействия на осужденного. Сформулирован вывод о значимости обозначенной теории для уголовно-исполнительных отношений.

Для цитирования: Тепляшин П. В. Коммуникативная теория наказания: содержание, пределы применения, значимость для уголовно-исполнительных отношений // Вестник Владимирского юридического института. 2023. № 1(66). С. 24–31.

Original article

**THE COMMUNICATIVE THEORY OF PUNISHMENT: CONTENT,
LIMITS OF APPLICATION, RELEVANCE FOR PENAL RELATIONS**

Pavel V. Teplyashin

Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russian Federation, Krasnoyarsk, Russia, pavlushat@mail.ru

Keywords: humanisation, individualised treatment programme for prisoners, penal colony, consequentialism, reconciliation, repentance, penal law, expressionist concept

Abstract. The article presents the methodological implications of the study of the theories of punishment. The contents of communicative theory of punishment in the views of its founder are considered. The functional role of communicative mechanisms of dialogue between a condemned and specialists of correctional institution, and also inclusive qualities of punishment according to the given theory are shown. It is noted that the communicative concept has its dogmatic roots in retributivism, but at the same time it is enough relief is imposed on execution of a criminal punishment. The peculiarities of the communicative retributivism theory are stated. The arguments in favour of the fact that it is not applicable to the description of correctional process and regime of correctional facility, execution of superlong and life terms of imprisonment, but is consistent with the concept of “moral desert” are given. Probable directions of practical landing of communicative retributivism are outlined. The author cautions against possible bias towards liberalisation of the legal influence on the convicted person when putting into practice the communicative theory of punishment. The author concludes that this theory is important for criminal-executive relations.

For citation: Teplyashin, P. V. (2023), “The communicative theory of punishment: content, limits of application, relevance for penal relations”, *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta*, no. 1(66), pp. 24–31.

Теории в юридической науке представляют исследовательский интерес по трем основным причинам. Во-первых, они отражают формы

научных знаний, поэтому позволяют описать и систематизировать определенный массив накопленной юридически значимой информации. Во-вторых, могут выступать средством объяснения кон-

© Тепляшин П. В., 2023

кретных проявлений социально-правовой действительности. В-третьих, способны приблизить к обнаружению наиболее оптимальной модели воздействия на общественные отношения.

Теоретическая парадигма наказания образует научный «хребет» доктрины уголовного и уголовно-исполнительного права, тем самым предопределяя долгосрочный вектор развития соответствующих отраслей законодательства и правоприменительной практики, закладывает краеугольные основы идеологии противодействия преступности. Посредством интерпретации различных теорий наказания преломляются существующие представления об избранной модели правового воздействия на лицо, преступившее уголовный закон. Кроме этого, соответствующие теории позволяют прогнозировать перспективы реализации сложившихся подходов к назначению и исполнению уголовных наказаний, их согласованность с грядущими социально-экономическими, идеологическими, духовно-культурными и политическими трансформациями.

Изучение соответствующих теорий наказания позволяет расширить область соприкосновения со скрытой сферой еще не обнаруженных, но объективно существующих социальных потребностей и закономерностей противодействия преступности. Ведь как справедливо отмечает Н. В. Щедрин, «в плане познания уголовного наказания мы находимся на уровне элементарной механики, в то время как нужны теории, сопоставимые с теорией относительности или квантовой теорией» [Щедрин 2011, с. 106].

Вышеизложенные аспекты в усеченном виде образуют методологическую обусловленность изучения данных теорий и мотивируют исследовательский интерес для дальнейшего анализа феномена наказания с целью выявления еще не обнаруженных, но объективно существующих их социально-правовых свойств.

Представляется целесообразным обратиться к содержанию коммуникативной теории наказания, которая еще не получила должного освещения в отечественных исследованиях, но представляет значительную ценность для научного сопровождения процесса оптимизации российской системы уголовных наказаний и сферы их исполнения.

Разработчиком коммуникативной теории наказания является Робин Антони Дафф (Robin Antony Duff). Согласно его представлениям «наказание как светское покаяние должно составлять способ морального исправления, с помощью которого он должен примириться с теми, кого обидел, – посредством которого должны быть восстановлены и укреплены узы политического сообщества» [Duff 2003, р. 305]. В соответствии с данным утверждением уголовное наказание необходимо восприни-

мать как форму заслуженного порицания и светского покаяния, направленного на раскаяние, моральное исправление и примирение преступника как непосредственно с потерпевшим, так и с обществом. Иными словами, данная теория отражает существование «морального диалога» с осужденным.

Вместе с тем раскаяние преступника, в соответствии с коммуникативным ретрибутивизмом, не может выступать основанием для отмены уголовного наказания, что демонстрирует возмездную природу рассматриваемой теории. В силу представлений Роберта Нозика (Robert Nozick) коммуникативный, или иначе телеологический, ретрибутивизм предполагает, что посредством наказания до преступника доводится негативная оценка его поступка, тем самым ориентируя осужденного на ответную реакцию в виде раскаяния. В этом заключаются социальное взаимодействие и общая работа над результативностью применяемого уголовного наказания. Ведь в соответствии с представлениями Р. Нозика, «благополучие каждого зависит от того, насколько эффективно организовано общественное сотрудничество» [Олешкова 2017, с. 33]. Хотя можно встретить научную позицию, согласно которой «криминология раскаяния бросает вызов практике системы уголовного правосудия» или «раскаяние может и должно быть существенным элементом при назначении или отмене наказания» [Chitov 2018, р. 162, 179]. Отчасти можно согласиться с представленной точкой зрения, поскольку речь идет не о локальной оценке воли осужденного, а о ее ценности в свете соблюдения идеи справедливости. Ведь «современный фундаментальный ретрибутивный принцип уголовного наказания проистекает из всеобщих требований справедливости» [Корсаков 2015, с. 160].

Согласно рассматриваемой теории уголовное наказание выступает средством доведения до преступника сути его противоправного поведения, и в идеале оно должно заставить осужденного раскаяться в своем преступлении, а также предоставить ему возможность донести это раскаяние как до жертвы, так и до общества в целом. Раскаявшийся человек может сделать это путем исправления и готовности понести соответствующее наказание в качестве формы извинения перед теми, кого он обидел, а также с помощью возмещения ущерба тем лицам, которым он причинил зло. Кроме того, наказание должно быть инклюзивным, а применение тюремного заключения должно свидетельствовать о том, что осужденный «сделал невозможным для нас жить с ним в обычном сообществе сограждан до тех пор, пока он не пройдет курс реабилитации» [Duff 2001, р. 150]. Данная теория не тождественна экспрессионистской концепции ретрибутивизма, суть которой заключается в том, что «наказание рассматривается как своего рода язык или, точнее, как способ по-

слать осуждающее сообщение преступнику... экспрессионистская теория подразумевает, что наказание должно быть соразмерным» [Ryberg 2021a, p. 452]. Экспрессионистская концепция ретрибутивизма рассматривается в рамках назначения наказания, строгость которого соразмерна совершенному преступлению. Коммуникативная же теория наказания охватывает не только и даже не столько процесс назначения уголовного наказания, сколько процедуру его исполнения. *Ceteris paribus* коммуникативная теория наказания и экспрессионистская концепция выступают разновидностями ретрибутивизма, отвечая требованиям необходимости и достаточности.

Однако достаточно сложно говорить о самостоятельности и самодостаточности коммуникативной концепции наказания, поскольку она не отражает решение основного и принципиального вопроса о соотношении наказания и преступления. Как известно ретрибутивистская и консеквенциалистская теории разрешают этот вопрос как две антитезы философии наказания. В этой связи уместно будет привести слова М. В. Куликова о том, что «на всем протяжении истории теория наказания представлялась как история вражды между сторонниками консеквенциализма и ретрибутивизма, каждый из которых предлагал стройные и логичные, но радикально несовместимые нормативные обоснования этого общественного института» [Куликов 2011, с. 76–77].

Коммуникативная концепция своими догматическими корнями уходит в ретрибутивизм, но ее научная риторика достаточно рельефно накладывается на процесс исполнения уголовного наказания. Следовательно, можно говорить о существовании такой версии (ответвлении) ретрибутивизма как теории коммуникативного ретрибутивизма. Данная теория имеет следующие имманентные особенности: 1) является соответствующим уровнем знаний, на котором обобщаются и систематизируются научные разработки, имеющие прямое отношение к процессу исполнения уголовного наказания; 2) приоритет в реализации ее функций имеют наказания, связанные с изоляцией осужденного от общества; 3) ее верификация возможна в условиях отбывания осужденным достаточно продолжительных сроков назначенного лишения свободы; 4) позволяет прогнозировать концептуальные направления развития пенитенциарной системы.

Однако, экстраполируя исследуемую теорию на существующую пенитенциарную действительность, следует учитывать три момента относительно пределов ее применения. Во-первых, коммуникативный ретрибутивизм не дает ответа на вопрос о том, какой должна быть организация исправительного процесса, режимные особенности исправительного учреждения, форма дисциплинарного воздействия на осужденного. Например, Лиза Керр (Lisa

Kerr) отмечает, что Р. Э. Дафф не приводит подробного описания того, как общие особенности многих тюремных режимов интегрируются с коммуникативной теорией наказания [Kerr 2019, p. 98–99]. Данные вопросы приобретают практическую ценность в контексте заложенного в Концепцию развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года¹ (далее: Концепция) проекта создания учреждения объединенного типа, поскольку при реализации столь сложной модели исправительного учреждения крайне важно всесторонне проработать разнообразные теоретические воззрения на эффективные варианты исполнения уголовного наказания. Через призму коммуникативной теории наказания можно установить уровень «исключения» осужденного из общества, т. е. определить необходимую степень его изоляции не столько при назначении наказания, сколько при исполнении наказания в виде лишения свободы. Ведь полноценно «моральный диалог» возможно открывать после вступления обвинительного приговора в законную силу, поскольку становятся ясными окончательное волеизъявление государства и фактическое положение, в котором оказалось осужденное лицо. Уже отбывая уголовное наказание в виде лишения свободы осужденный, должен понимать, что изоляция от общества не является его «единственным статусом», поскольку гибкая система стимулов и льгот обязана обеспечить не только его конструктивное взаимодействие с персоналом исправительного учреждения, но и существенно расширить социальные связи данного лица.

Во-вторых, данная теория будет иметь минимальное апробирование применительно к исполнению сверхдлительных и пожизненных сроков лишения свободы. Так, Маргарита Шинкель (Marguerite Schinkel) справедливо указывает, что сверхдлительные тюремные сроки могут «вызвать эмоциональные реакции и давление на ситуацию, которая затмевает собой любую коммуникацию, присущую санкции» [Schinkel 2014, p. 593]. В свою очередь Гейл Супер (Gail Super) обоснованно подчеркивает, что когда «правосудие смешивается с мстостью (мягкой или жесткой), в рамках которой целью является удаление определенных преступников из общества посредством долгосрочного тюремного заключения... происходит смешение «справедливости» для жертв преступлений с наказанием и избирательная близость между наказанием и мстостью, которые являются основными постулатами популистского карательного велфаризма» [Super 2021, p. 442]. В дан-

¹ О Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года : распоряжение Правительства Рос. Федерации от 29 апр. 2021 г. № 1138-р // Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 20, ст. 3397.

ном случае значительное снижение работоспособности коммуникативной теории наказания обусловлено существенным нивелированием практической целесообразности раскаяния и последующего исправления. Глубинный разрыв либо высокая степень ослабления семейных связей, утрата трудовой квалификации, появление психологических барьеров перед освобождением, фактическая стигматизация такого лица и другие факторы крайне сильно занижают функциональную роль коммуникативных механизмов диалога между осужденным и специалистами исправительного учреждения, препятствуют продуцированию у осужденного неподложного чувства раскаяния, устремлению исправиться и приобретению навыков успешной ресоциализации.

И, в-третьих, рассматриваемая теория согласуется с концепцией «моральной пустыни», но преломляется через призму концепции «целой жизни», которые позволяют показать степень нравственной запущенности человека, преступившего закон, продемонстрировать роль любых поступков в исправлении осужденных лиц и предложить соответствующие способы обращения с ними. В свое время Джоэл Файнберг (Joel Feinberg) предложил пять способов обращения с нравственной точки зрения глубоко запущенными осужденными: первоначальные льготы, балльная оценка, компенсация, поощрения и взыскания [Feinberg 1999, p. 70–83]. Не вдаваясь в подробный анализ такого подхода, можно отметить его объективную ценность для построения системы оценки степени исправления осужденного, которая до сих пор остается предметом научной дискуссии. Кроме того, концепция «моральной пустыни» приближает исследователя к пониманию того, каков вклад каждого поступка (как положительный, так и отрицательный) осужденного в общую оценку его нравственного облика и, следовательно, соразмерности самого наказания совершенному преступлению. Действительно, вопрос о том, должны ли поступки всей жизни человека учитываться (в соответствии с концепцией «целой жизни») в последующем обращении с ним в исправительном учреждении или не должны иметь такого значения, остается не только риторическим, но и обладает практическим значением, поскольку непосредственно коррелирует с содержанием исправительно-профилактического воздействия. В этой связи Йоран Дуус-Оттерстрем (Göran Duus-Otterström) достаточно обоснованно утверждает, что «во-первых, ретрибутивисты должны отказаться от теории “целой жизни” в пользу локальной теории; во-вторых, как только ретрибутивисты примут локальную теорию, их защита соразмерности в сфере наказания станет более обоснованной, а их защита идеи пропорциональности будет такой же сильной, как и аргументы в пользу того, почему люди заслуживают соразмерных на-

казаний» [Duus-Otterström 2021, p. 479]. Ведь идея пропорциональности – это не только краеугольная основа ретрибутивистской философии наказания, но своеобразный камень преткновения в понимании пределов карательного правосудия. Не случайно Джеспер Рибберг (Jesper Ryberg) в одном из своих специальных исследований феномена пропорциональности уголовного наказания резонно замечает: «...удивительно, что так мало внимания было уделено задаче прояснения того, что означает различие взглядов [абсолютистская и неабсолютистская интерпретация ограничений] по отношению к пределам пропорциональности, которые составляют основу всех ретрибутивистских подходов к возмездности уголовного наказания» [Ryberg 2021b, p. 165].

В рамках исследования коммуникативной теории наказания научный интерес представляют ее вероятные точки приложения. Так, Уильям Бюло (William Bülow) и Нетанель Даган (Netanel Dagan) пишут: «...тюремные отпуска, а также многие программы посещений... предоставляют важную свободу и пространство для заключенного вести себя ответственно и показать, что он привержен исправлению и примирению. Таким образом, разрешение на отпуск в тюрьме, а также свидания без надзора таких посещений посылают заключенному важный сигнал о том, что мы как общество не сдались и не отказались от него и что он может вернуть наше доверие» [Bülow, Dagan 2021, p. 386]. Сложно не согласиться с данной точкой зрения. Однако указанные исследователи также отмечают, что «с точки зрения коммуникативной теории программы посещений и освобождения от работы в тюрьме должны рассматриваться как фундаментальные аспекты морально оправданного тюремного режима, на которые заключенные должны иметь право, а не использовать как “привилегии” или “вознаграждения” за соблюдение правил тюремного режима... и программы посещений, и отпуск в тюрьме должны пониматься как интегрированные части тюремной системы» [Bülow, Dagan 2021, p. 388]. Как представляется, такой подход вступает в противоречие с канонами прогрессивной системы исполнения наказания. По крайней мере, согласно отечественному уголовно-исполнительному законодательству свидания с осужденным гармонично «встроены» в содержание прогрессивной системы. Например, в соответствии с ч. 2 ст. 122 УИК РФ в исправительных колониях строгого режима при отсутствии взысканий за нарушения установленного порядка отбывания наказания и добросовестном отношении к труду по отбытии не менее девяти месяцев срока наказания в обычных условиях отбывания наказания осужденные могут быть переведены в облегченные условия. Соответственно, на облегченных условиях осужденным разрешается иметь четыре кратко-

срочных и четыре длительных свидания в течение года (п. «б» ч. 2 ст. 123 УИК РФ), тогда как на обычных – только по три краткосрочных и длительных свидания в течение года (п. «б» ч. 1 ст. 123 УИК РФ).

В преломлении коммуникативной теории наказания можно обнаружить практическую значимость последнего слова подсудимого для уголовно-исполнительных отношений. Ведь существует объективный правоприменительный мейнстрим снисхождения к лицу, признавшему свою вину в совершенном общественно опасном деянии, осуждающему себя в упречности преступного поведения. В этой связи научный интерес представляет мнение Кристофа Менке (Christoph Menke), который указывает, что лицо, признав собственную вину в совершенном преступлении, тем самым обеспечивает назначение себе судом соразмерного наказания, поэтому, по сути, насилие закона является насилием субъективности [Menke 2010, р. 8]. Перефразируя данную позицию, можно резюмировать, что фактически происходит диалог между государством и нарушителем, который приводит к возможности повышать либо понижать уровень возмездных притязаний первого к последнему, что ставится в зависимость от признания либо непризнания вины, а также от раскаяния в совершенном деянии либо от отсутствия такого раскаяния. В уголовно-процессуальном законодательстве Российской Федерации можно найти некий аналог такого диалога. Так, ст. 293 УПК РФ «Последнее слово подсудимого» предусматривает предоставление председательствующим подсудимому последнего слова. В рамках данной процессуальной процедуры подсудимый как раз и может признать либо не признать свою вину, раскаяться в содеянном или нет, попросить прощения у потерпевшего(их) либо отказаться от этого, что будет влиять на вид и содержание назначенного уголовного наказания. В соответствии с коммуникативным ретрибутивизмом итоги подобной процедуры должны учитываться в последующей работе с осужденным лицом и найти свое правовое сопровождение. Вместе с тем отечественное уголовно-исполнительное законодательство не предполагает дифференцированный подход к таким группам осужденных, как: первая группа – не признавшие свою вину; вторая группа – признавшие свою вину, но не раскаявшиеся; третья группа – признавшие свою вину и раскаявшиеся. Данный вывод демонстрирует соответствующие точки приложения для исследуемой теории наказания и необходимость более детального рассмотрения перспектив законодательного оформления подобной дифференциации. При этом согласимся с мнением С. М. Савушкина в том, что «дифференциация осужденных не может представлять собой что-то неизбежное. Дифференциация осужденных, как и вся уголовно-исполнительная система, изме-

няется под воздействием объективных условий развития общественных отношений, состояния и динамики преступности, использования различных мер и способов борьбы с ней» [Савушкин 2020, с. 16].

Одним из вероятных направлений практического приземления коммуникативного ретрибутивизма выступает применение индивидуальной программы обращения с осужденным в контексте реализации некоторых положений рассматриваемой теории. Как представляется, коммуникативный ретрибутивизм является дополнительным теоретическим инструментом, демонстрирующим актуальность и работоспособность индивидуальной программы исправления осужденного. Как известно, данная форма обращения с осужденными до сих пор носит лишь перспективный характер и не нашла своей полномасштабной реализации. Можно встретить лишь несистемные теоретические исследования данного межотраслевого комплексного института [Павленко 2021, с. 32–38], включая соответствующий опыт отдельных зарубежных стран [Сиряков 2021, с. 81–90]. Отечественное федеральное законодательство не регламентирует реализацию подобных программ. Лишь только Концепция предусматривает индивидуальную профилактику правонарушений осужденными и индивидуальную программу реабилитации инвалидов-осужденных. Приказом Минюста России от 4 июля 2022 г. № 110 «Об утверждении Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы, Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений и Правил внутреннего распорядка исправительных центров уголовно-исполнительной системы»¹ (далее: Приказ) закреплены индивидуальные программы реабилитации. На этом фоне задействие соответствующих достижений коммуникативной теории наказания позволило бы дать толчок к конструктивному анализу практических возможностей применения индивидуальной программы обращения с осужденным.

Однако при воплощении в жизнь положений коммуникативной теории наказания следует учитывать недопустимость вероятного крена в сторону либерализации правового воздействия на осужденного. Так, под видом диалога не должно быть неоправданной либерализации и проявлений либеральных инициатив в первую очередь со стороны уголовного и уголовно-исполнительного законодательства. Данный «коммуникативный» риск обла-

¹ Об утверждении Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы, Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений и Правил внутреннего распорядка исправительных центров уголовно-исполнительной системы : приказ Минюста России от 4 июля 2020 г. № 110. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 17.12.2022).

дает неблагоприятным характером, поскольку он не только нивелирует вектор изначальной приверженности рассматриваемой теории к пенальному ретрибутивизму, но и приводит к отходу от императивных свойств соответствующих отраслей права, размывает возмездную сущность уголовного наказания. Кроме того, следует проводить разграничительную линию между реализацией положений коммуникативного ретрибутивизма и гуманизацией условий отбывания уголовных наказаний, поскольку в первом случае отражается содержание процесса исправительно-воспитательной работы с осужденным, тогда как во втором – форма и сопутствующее обеспечение такой работы. Соответственно, расширение большинства прав осужденных почти никак не связано с оптимизацией исправительно-воспитательной работы с ними и преимущественно выступает проявлением гуманизации и стремлением привести условия отбывания наказания с международными пенитенциарными стандартами. Очевидным примером этого выступает ошутимое расширение прав и законных интересов осужденных, предусмотренное соответствующими пунктами Приказа. Среди исследователей данного вопроса встречается критика фактического смешения мер, обеспечивающих должную исправительно-воспитательную работу с осужденными, и мер, представляющих гуманизацию условий отбывания наказания. Не случайно В. А. Уткин не без основания формулирует следующий тезис: «...дальнейшая “гуманизация” (а точнее – либерализация) уголовно-судебной политики никак не возможна» [Уткин 2019, с. 109–110]. Фактически в унисон с ним А. К. Теохаров и Г. Батболд от-

мечают, что «политико-правовые решения, направленные на либерализацию исполнения наказания в виде лишения свободы, представляются нецелесообразными и не обоснованными» [Теохаров, Батболд 2017, с. 105].

Обнаруживается также риск либеральных «коммуникативных» законотворческих инициатив в отношении занижения потенциала уголовно-исполнительного противодействия распространению в исправительных учреждениях криминальной («тюремной») субкультуры, радикальной религиозности, девиантному поведению осужденных с психофизиологическими патологиями (наркозависимость, сексуальные предпочтения, алкоголизм и т. п.) и личностными расстройствами.

Таким образом, представленный научный дайджест коммуникативной теории наказания продемонстрировал ее логичное содержание, обоснованную приемлемость и определенную прикладную значимость для уголовно-исполнительных отношений, но одновременно с этим позволил обнаружить соответствующие пределы ее применения. Одновременно с практико-ориентированной ценностью данной теории существуют некоторые уголовно-исполнительные риски, обладающие неблагоприятным характером для должного процесса исправительного воздействия на осужденное лицо.

Коммуникативный ретрибутивизм способен стать одним из звеньев методологического пояса вокруг всего научного «хребта» доктрины уголовного и уголовно-исполнительного права – теоретической парадигмы наказания.

Список цитируемых источников

- Корсаков 2015 – Корсаков К. В. Принцип эквивалентного воздаяния в современном российском уголовном законодательстве // Российский юридический журнал. 2015. № 3. С. 157–163.
- Куликов 2011 – Куликов М. В. Ретрибутивизм и консеквенциализм в теориях правового наказания // Вестник Кузбасского института. 2011. № 4. С. 74–77.
- Олешкова 2017 – Олешкова А. М. Проблемы прикладной этики в социокультурном измерении XXI века. Нижний Тагил, Фил. РГППУ в г. Нижнем Тагиле, 2017. 192 с.
- Павленко 2021 – Павленко Д. А. Индивидуальная исправительная программа: задачи, содержание и общая логика составления // Вестник Могилевского института МВД. 2021. № 2. С. 32–38.
- Савушкин 2020 – Савушкин С. М. Уголовно-правовые и уголовно-исполнительные основы дифференциации осужденных к лишению свободы. Новокузнецк : Кузбас. ин-т ФСИН России, 2020. 148 с.
- Сиряков 2021 – Сиряков А. Н. Правовое регулирование и содержание пенитенциарных программ в местах лишения свободы Испании // Уголовно-исполнительное право. 2021. Т. 16, № 1. С. 81–90.
- Теохаров, Батболд 2017 – Теохаров А. К., Батболд Г. Либерализация исполнения наказания в виде лишения свободы: критический взгляд // Алтайский юридический вестник. 2017. № 4. С. 101–106.
- Уткин 2019 – Уткин В. А. «Социология» применения наказаний и пенитенциарная практика // Вестник Кузбасского института. 2019. № 4. С. 107–116.
- Щедрин 2011 – Щедрин Н. В. О «теории относительности» уголовного наказания и ее экспериментальной проверке // Общество и человек. 2011. № 1. С. 103–106.
- Bülow, Dagan 2021 – Bülow W., Dagan N. From rehabilitation to penal communication: The role of furlough and visitation within a retributivist framework // Punishment & Society. 2021. Vol. 23, issue 3. P. 376–393.
- Chitov 2018 – Chitov A. The communicative theory of punishment and repentance // Law. Journal of the Higher School of Economics. 2018. № 4. С. 162–180.

- Duff 2003 – Duff R. A. Penance, punishment and the limits of community // *Punishment and Society*. 2003. Vol. 5, issue 3. P. 295–312.
- Duff 2001 – Duff R. A. *Punishment, communication, and community*. Oxford : Oxford University Press, 2001. 272 p.
- Duus-Otterström 2021 – Duus-Otterström G. Do offenders deserve proportionate punishments? // *Criminal Law and Philosophy*. 2021. Vol. 15, issue 1. P. 463–480.
- Feinberg 1999 – Feinberg J. *Justice and personal desert // What do we deserve?* Oxford : Oxford University Press, 1999. 330 p.
- Kerr 2019 – Kerr L. How the prison is a black box in punishment theory // *University of Toronto Law Journal*. 2019. Vol. 69, issue 1. P. 85–116.
- Menke 2010 – Menke C. Law and violence // *Law and Literature*. 2010. Vol. 22, issue 1. P. 1–17.
- Ryberg 2021a – Ryberg J. Retributivism and the (lack of) justification of proportionality // *Criminal Law and Philosophy*. 2021. Vol. 15, issue 1. P. 447–462.
- Ryberg 2021b – Ryberg J. Retributivism and the proportionality dilemma // *Ratio*. 2021. Vol. 34, issue 2. P. 158–166.
- Schinkel 2014 – Schinkel M. Punishment as moral communication: the experiences of long-term prisoners // *Punishment & Society*. 2014. Vol. 16, issue 5. P. 578–597.
- Super 2021 – Super G. Punitive welfare on the margins of the state: narratives of punishment and (in)justice in masiphumelele // *Social & Legal Studies*. 2021. Vol. 30, issue 3. P. 426–447.

References

- Bülow, W. and Dagan, N. (2021), “From rehabilitation to penal communication: The role of furlough and visitation within a retributivist framework”, *Punishment & Society*, vol. 23, issue 3, pp. 376–393.
- Chitov, A. (2018), “The communicative theory of punishment and repentance”, *Law. Journal of the Higher School of Economics*, no. 4, pp. 162–180.
- Duff, R. A. (2001), *Punishment, communication, and community*, Oxford University Press, Oxford, UK.
- Duff, R. A. (2003), “Penance, punishment and the limits of community”, *Punishment and Society*, vol. 5, issue 3, pp. 295–312.
- Duus-Otterström, G. (2021), “Do offenders deserve proportionate punishments?”, *Criminal Law and Philosophy*, vol. 15, issue 1, pp. 463–480.
- Feinberg, J. (1999), “Justice and personal desert”, *What Do We De-serve?*, Oxford University Press, Oxford, UK.
- Kerr, L. (2019), “How the prison is a black box in punishment theory”, *University of Toronto Law Journal*, vol. 69, issue 1, pp. 85–116.
- Korsakov, K. V. (2015), “Principle of equivalent retribution in contemporary Russian criminal legislation”, *Rossiiskii yuridicheskii zhurnal*, no. 3, pp. 157–163.
- Kulikov, M. V. (2011), “Retributivism and consequentialism in theories of legal punishment”, *Vestnik Kuzbasskogo instituta*, no. 4, pp. 74–77.
- Menke, C. (2010), “Law and violence”, *Law and Literature*, vol. 22, issue 1, pp. 1–17.
- Oleshkova, A. M. (2017), *Problemy prikladnoi etiki v sotsiokul'turnom izmerenii XXI veka* [Problems of applied ethics in the socio-cultural dimension of the 21st century], Filial RGPPU v g. Nizhnii Tagil, Nizhny Tagil, Russia.
- Pavlenko, D. A. (2021), “Individual correctional program: tasks, content and general logic of compilation”, *Vestnik Mogilevskogo instituta MVD*, no. 2, pp. 32–38.
- Ryberg, J. (2021a), “Retributivism and the (lack of) justification of proportionality”, *Criminal Law and Philosophy*, vol. 15, issue 1, pp. 447–462.
- Ryberg, J. (2021b), “Retributivism and the proportionality dilemma”, *Ratio*, vol. 34, issue 2, pp. 158–166.
- Savushkin, S. M. (2020), *Ugolovno-pravovye i ugolovno-ispolnitel'nye osnovy differentsiatsii osuzhdennykh k lisheniyu svobody* [Criminal-legal and penitentiary bases for differentiation of convicts sentenced to deprivation of liberty], Kuzbasskii institut FSIN Rossii, Novokuznetsk, Russia.
- Schinkel, M. (2014), “Punishment as moral communication: the experiences of long-term prisoners”, *Punishment & Society*, vol. 16, issue 5, pp. 578–597.
- Shchedrin, N. V. (2011), “About the ”theory of relativity” of criminal punishment and its experimental verification”, *Obshchestvo i chelovek*, no.1, pp. 103–106.
- Siryakov, A. N. (2021), “Legal regulation and content of penitentiary programs in places of deprivation of liberty in Spain”, *Ugolovno-ispolnitel'noye pravo*, vol. 16, no. 1, pp. 81–90.
- Super, G. (2021), “Punitive welfare on the margins of the state: narratives of punishment and (in)justice in masiphumelele”, *Social & Legal Studies*, vol. 30, issue 3, pp. 426–447.
- Teokharov, A. K. and Batbold, G. (2017), “Liberalization of the execution of punishment in the form of deprivation of liberty: a critical view”, *Altaiskii yuridicheskii vestnik*, no. 4, pp. 101–106.
- Utkin, V. A. (2019), “Sociology” of administration of punishments and penal practice”, *Vestnik Kuzbasskogo instituta*, no. 4, pp. 107–116.

Информация об авторе

П. В. Тепляшин – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и криминологии СибЮИ МВД России.

Information about the author

P. V. Teplyashin – Doctor of Law, Associate Professor, Professor of Criminal Law and Criminology Department of Siberian Law Institute of the MIA of Russia.

Статья поступила в редакцию 11.01.2023; одобрена после рецензирования 13.01.2023; принята к публикации 16.01.2023.

The article was submitted 11.01.2023; approved after reviewing 13.01.2023; accepted for publication 16.01.2023.